

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 3, pp. 368-383, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-368-383

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 93/94

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-368-383

Калмыцкая степь Астраханской губернии в первой половине XIX в.: этапы и основные модели административной системы управления

Евгений Александрович Гунаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН наук (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: [gunaeva\[at\]kigiran.com](mailto:gunaeva[at]kigiran.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Гунаев Е. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье рассматриваются основные этапы, а также модели административного управления Калмыцкой степью Астраханской губернии в первой половине XIX в. Именно в этот период Калмыцкая степь начинает свой путь интеграции и инкорпорации в общероссийскую систему административного управления с сохранением ряда национальных особенностей в управлении. В историографии работ по данному периоду не совсем четко прослеживается выделение этапов управления, характеризующих качественные изменения, и моделей управления. *Результаты.* Автором приводятся положения касательно системы управления в Калмыцкой степи на основе «Исторического обозрения пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887 гг.», части 2 «Попечительство; Поземельное устройство». Согласно данному источнику, политика Российского государства в Калмыцкой степи в первой половине XIX в. осуществлялась по трем направлениям: 1) взаимодействие с национальной элитой, предоставление ей определенных прав и привилегий, вовлечение ее в систему имперской региональной и местной власти; 2) постепенное внедрение имперского законодательства и суда с сохранением действия норм обычного права на низовом уровне, как правило, в сфере гражданского оборота; 3) установление основ имперской финансово-налоговой политики с сохранением привилегий местной знати. *Выводы.* На основе обзора взглядов, точек зрения современных исследователей выявлены отдельные особенности формирования и функционирования системы административного управления в Калмыцкой степи первой половины XIX в. Во-первых, наместничество начала XIX в. скорее являлось завершающей стадией этапа наместничества XVIII в. Приставство по сути выступало предпосылкой попечительства.

В принципе, наместничество, приставство и попечительство можно рассматривать как модели управления, но с учетом разных объектов управления. Но в целом модель была одна, она сочетала в себе государственный надзор и опеку с сохранением ряда национальных традиций в управлении.

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкая степь Астраханской губернии, калмыки, административное управление, наместничество, приставство, попечительство
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Калмыцкая степь Астраханской губернии в первой половине XIX в.: этапы и основные модели административной системы управления // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 368–383. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-368-383

Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Early to Mid-19th Century: Stages and Key Patterns of the Administrative Governance System

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea[at]kigiran.com

© KalmSC RAS, 2023

© Gunaev E. A., 2023

Abstract. Introduction. The article deals with some key stages and patterns of administrative governance sequentially adopted for Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the early-to-mid nineteenth century. This very period was witnessing the integration and incorporation of Kalmyk Steppe into Russia's administrative system, though some ethnos-specific governance elements would still be retained. The related historiography contains no explicit data as to certain governance stages (and patterns) characterized by corresponding qualitative changes. **Results.** The paper examines the publication titled 'Ministry of State Property over the Fifty Years, 1837–1887: A Historical Review' (Pt. 2: Protectorship. Land Affairs) for provisions pertaining to the governance system in Kalmyk Steppe. According to the document, efforts of the Russian Government across Kalmyk Steppe in the early-to-mid nineteenth century were primarily aimed at: 1) interacting with ethnic elites, endowing the latter with certain rights and privileges, involving them into the imperial power hierarchy at regional and local levels; 2) introducing (step by step) imperial legislative and court practices (common-law norms remain in force at lower levels for civil circulation); 3) laying foundations of imperial financial and tax policies (given that local elites would retain their original privileges). **Conclusions.** Our insights into opinions and viewpoints of contemporary researchers have identified a number of distinct features inherent to the shaping and functioning of the administrative governance system in early-to-mid nineteenth century Kalmyk Steppe. So, the early nineteenth century *namestnichestvo* was essentially rather that of the late eighteenth century. At the same time, *pristavstvo* should be viewed only as a milestone towards *popечitelstvo*. In general, the three can still be considered as individual governance patterns — with differing governance objects.

However, the basis was compiled from supervision and wardship, and preservation of some ethnic governance traditions.

Keywords: Russian Empire, Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate, Kalmyks, administrative governance, *namestnichestvo* (viceregency), *pristavstvo* (oversership), *popечitelstvo* (protectorship)

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Gunaev E. A. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Early to Mid-19th Century: Stages and Key Patterns of the Administrative Governance System. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 368–383. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-368-383

1. Введение

XIX столетие — это время не только дальнейшего территориального расширения Российской империи, присоединения новых территорий, но и закрепления с помощью распространения российского законодательства и правового порядка уже вошедших в ее состав земель с населяющими их народами. Постепенно по мере расширения территориальных границ империи возникала необходимость привлечения народов, проживавших уже внутри государственной территории, к российскому управлению на основе подданства. Особую нишу в рамках российского управления занимали калмыки. На начало XIX в. они проживали в России уже более 150 лет, однако только в указанном столетии они стали управляться полностью на основе российских законов и установлений. Это объясняется тем, что дореволюционная история калмыцкого народа в составе России четко подразделяется на два больших периода: до 1771 г. и после. Как известно, ойратские группы прикочевали из Центральной Азии в Россию в начале XVII в., и в низовьях Волги сложилось Калмыцкое ханство, этнополитическое образование, которое строило свои взаимоотношения на договорных началах с Российским государством. К концу XVIII в. назревшие противоречия во взаимоотношениях с российской администрацией, обусловленные в том числе сокращением территории для кочевий, вынудили большую часть калмыков во главе с Убаши-ханом откочевать обратно в пределы Центральной Азии, как говорили сами калмыки, «на Алтай». Поскольку в России осталась только малая часть народа, указом Екатерины II Калмыцкое ханство было ликвидировано, оставшееся население было распределено по улусам на территории Астраханской губернии. В начале XIX в. при Павле I была осуществлена попытка воссоединения всех калмыцких улусов во главе с одним наместником, однако после смерти наместника Чучея Тундутова в 1803 г. эта идея не реализовалась. В 1825, 1834 и 1847 гг. были приняты правила и положения об управлении, на основе которых выстраивалась политика Российского государства в отношении калмыцкого народа. Цель статьи — исследовать основные этапы и модели административного управления в Калмыцкой степи в первой половине XIX в. Для этого необходимо решение следующих задач: определение основных этапов административного управления в Калмыцкой степи в рассматриваемый период; исследование моделей административного управления на примере Калмыцкой степи.

2. Историография и методология исследования

В дореволюционной историографии административные преобразования в Калмыцкой степи не были предметом комплексного исследования. В отдельных работах отразилось отношение современников к проводимым реформам устройства Калмыцкой степи. Это, в частности, были работы И. Я. Бичурина, Ф. А. Бюлера, П. Я. Дубровы, И. А. Житецкого, К. И. Костенкова, Н. А. Нефедьева, М. Н. Новолетова [Очир-Гаряева 2014: 68].

Кроме них, можно выделить труды Н. И. Страхова, А. В. Попова, П. И. Небольсина, И. Г. Черкасова [Белоусов 2016: 76]. С. С. Белоусов полагает, что характерной чертой работ дореволюционных авторов является рассмотрение государственной политики в отношении калмыцкого народа с позиции государства, а именно: «изменения в управлении и административно-территориальные преобразования они трактовали чаще всего как ответную реакцию российского правительства на нарушение калмыцкой знатью своих обязательств перед Российским государством» [Белоусов 2016: 76]. Вместе с тем в определенных работах содержится и критика действовавшей системы управления и социального положения слоев калмыцкого общества, например в работах П. Я. Дубровы, К. И. Костенкова, М. Н. Новолетова и др. [Белоусов 2016: 77; Очир-Гаряева 2014: 72–74; 100–101; Очир-Гаряева, Ятаева 2018: 33–34].

В работах начала XX в. свои взгляды выразили и представители калмыцкой интеллигенции: Н. О. Очиров, Е. Ч. Чонов [Белоусов 2016: 77]. В первые годы советского периода появились фундаментальные труды профессора Н. Н. Пальмова, который опирался во многом на традиции русской дореволюционной исторической науки. Интерес представляют также работы исследователя-практика Ф. И. Плюнова, работавшего на различных должностях в Управлении калмыцкого народа, полностью его труд был издан только в 2016 г. [Плюнов 2016].

В советский период в калмыковедении с 1930-х и до конца 1980-х гг. доминировала точка зрения профессора Г. З. Минкина о колониальном подходе царского правительства по отношению к Калмыцкой степи с целью эксплуатации ее населения [Белоусов 2016: 79]. В конце 1980-х гг. с начавшейся демократизацией в советском обществе данную точку зрения подверг критике А. И. Карагодин [Белоусов 2016: 79, 81].

Среди историков советского периода 1960–1980-х гг. вопросы имперского управления в Калмыцкой степи исследовали А. А. Чужгинов, Л. С. Бурчинова, А. И. Наберухин, И. И. Орехов [Чужгинов 1977: 54–59; Бурчинова 1985: 48–56; Наберухин 1983: 143–164; Орехов 1968: 5–66]. Их труды отличают большое количество фактологического материала, усиление внимания к работе с источниками [Белоусов 2016: 81].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием демократизации происходит пересмотр многих устоявшихся оценок досоветского прошлого и методологии. В 1990–2010-е гг. происходит масштабное расширение исследований дореволюционной истории Калмыкии. По вопросам имперского управления в Калмыцкой степи вышел целый ряд публикаций историков, изданы монографии, в том числе крупные обобщающие труды таких исследователей, как: О. Н. Абеева [Абеева 2012], В. В. Батыров [Батыров и др. 2014], С. С. Белоусов [Белоусов 2009а; Белоусов 2009б; Белоусов 2009в; Белоусов 2016], И. В. Борисенко [Борисенко

1991], М. Н. Гиляшаева [Бурчинова, Гиляшаева 2005], М. С. Горяев [Горяев 2013], С. Ю. Деев [Деев 2005; Деев 2006], А. Н. Команджаев [Команджаев 2009а], Е. А. Команджаев [Команджаев 2009б; Команджаев 2019], И. В. Лиджиева [Лиджиева 2016; Лиджиева 2018; Лиджиева, Очиров 2019], К. Н. Максимов [Максимов 2002], Р. К. Надбитов [Надбитов 2006], У. Б. Очиров [Лиджиева, Очиров 2019], И. К. Очир-Гаряева [Очир-Гаряева 2014; Очир-Гаряева, Ятаева 2018] и др.

Вопросам управления в Калмыкии дореволюционного периода в сравнительно-историческом плане посвящены работы, например, Д. В. Васильева [Васильев 2020], Г. Б. Избасаровой [Избасарова 2017а; Избасарова, Любичанковский 2018], В. А. Скибы [Скиба 2012], В. В. Трепавлова [Национальные 1998; Трепавлов 2009] и др.

В данной статье рассмотрены в основном работы, хронологические рамки исследования которых включают период XIX – начала XX вв., вместе с тем необходимо частично обратиться и к периоду последней четверти XVIII в., с 1771 г., после откочевки значительной части калмыков, для целостного понимания всей картины состояния управления оставшейся частью калмыцкого народа в Российской империи [Пальмов 1922; Васильев 2015а; Васильев 2015б].

Основная проблема историографии административного управления Калмыцкой степи, на взгляд автора, заключается в развернутом обосновании деления или структурирования данного исторического процесса на этапы и выделение моделей административного управления. Дореволюционные авторы не могли сделать это по объективным причинам в силу того, что были современниками той эпохи. В советский период, как отмечает С. С. Белоусов, исследователи в массе своей акцентировали внимание на противопоставлении имперской системы управления советскому строю, «в силу этого изучение системы власти и аппарата управления в старой России не входило в число приоритетных исследовательских направлений советской исторической школы» [Белоусов 2016: 79]. Среди постсоветских и современных работ по истории управления в Калмыцкой степи XIX – начала XX вв. прослеживается периодизация исторического процесса, которая более основана на хронологическом принципе [Белоусов 2009а; Белоусов 2009б; Белоусов 2009в; Команджаев 2009а]. Тогда как этапизация более характеризует качественные изменения в общественном развитии [Алексушин 2020: 199–201].

В отношении моделей административного управления: большинство авторов не выделяют их именно как модели, а рассматривают как этапы развития системы управления. Так, в основном применяется следующая типологизация: «политическая автономия, административная автономия и интеграция с губернской административно-территориальной единицей на правах ее особой структуры» [Белоусов 2016: 83].

Исключением является, пожалуй, работа И. К. Очир-Гаряевой «Региональное управление в России: историко-правовой анализ». В ней автор рассматривает как общественно-политические и социальные институты: наместничество, представство и попечительство [Очир-Гаряева 2014: 50–109]. Представляется, что указанные институты можно рассматривать и в качестве моделей управления.

В этой связи, как представляется, проблема этапов и моделей административного управления требует своего дальнейшего исследования и обоснования.

В качестве источника исследования в настоящей статье приводится «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887 гг.», часть 2 «Попечительство; Поземельное устройство» [*Историческое 1888*], в котором дана сжатая характеристика административных преобразований в Калмыцкой степи первой половины XIX в.

3. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ об административном управлении в Калмыцкой степи

5 января 1771 г. хан Убаши, который официально считался наместником Калмыцкого ханства, преданные ему нойоны и до 67 тыс. кибиток калмыков откочевали обратно в Центральную Азию, в России же остались 12 нойонов и до 13 тыс. кибиток. Вследствие этого 19 октября 1771 г. рескриптом Екатерины II ханство было ликвидировано, как отмечается — «уничтожено навсегда» [*Историческое 1888: 157*], и в том же году при Астраханской губернской канцелярии была открыта Экспедиция калмыцких дел, на которую возложено было заведывание калмыками, подчиненными таким образом уже непосредственному надзору губернатора. Экспедиция была переименована в 1786 г. в Калмыцкую воинскую канцелярию, в 1788 г. — просто в воинскую канцелярию, а 1789 г. получила название Калмыцкого управления.

Надзор за калмыцкими улусами с 1801 г. осуществлял главный пристав калмыцкого народа, в ведении которого находились частные приставы, по одному в каждом улусе. Высшее заведывание калмыками принадлежало Коллегии иностранных дел.

Правительство издавна осознавало необходимость составить для калмыков положение или правила, которыми можно было бы руководствоваться при разборе дел, беспрестанно возникавших между оседлым населением и кочевниками, и на основании которых можно было бы ведать калмыками, «не нарушая их коренных обычаев» [*Историческое 1888: 157*]. Первые попытки составить такое положение относятся еще к 1736–1742 гг., когда калмыцкие ханы, Дондук-Омбо и Дондук-Даши, как отмечается в «Историческом обозрении», «сами просили об этом» [*Историческое 1888: 157*].

Но, как отмечается далее в этом источнике, этим «благим намерениям» не суждено было осуществиться, вместо общих распоряжений быстро следовали один за другим отдельные указы по частным делам, нередко противоречившие один другому. Мера наказания за проступки определялась то наместниками, то представителями правительства. Только в 1821 г. приступили к составлению такого положения, и 10 марта 1825 г. для управления калмыками были утверждены временные правила, которые, «не нарушая своеобразного внутреннего порядка управления калмыками» [*Историческое 1888: 158*], разграничили виды преступлений, за которые калмыки должны были подлежать суду в общих судебных местах или в местном суде (зарго), и установили различные инстанции для управления калмыцким народом.

В основе управления калмыками по Правилам 1825 г. лежало деление на главное, областное, окружное и улусное подразделения. Главное управление отныне возлагалось на Министерство внутренних дел, а не Коллегию ино-

странных дел, как ранее, главноуправляющий Кавказским краем осуществлял непосредственный надзор. Областное управление находилось в Астрахани в Комиссии калмыцких дел, которая состояла из губернатора (председателя), вице-губернатора, главного пристава, губернского прокурора и двух выборных депутатов от сословий: по одному от нойонов и духовенства. Деятельность комиссии была, как правило, исполнительная, но, вместе с тем, на нее было возложено «рассмотреть и исправить древнее законоположение калмыков, по предварительном совещании владельцев с лучшим духовенством, приспособить оное, поколику возможность дозволить, к общим правилам, дополняя недостаток или неудобства из законов российских» [Историческое 1888: 158].

Окружное управление было представлено судом зарго, который являлся апелляционной инстанцией по отношению к решениям улусных судов, в том числе по преступлениям, «которые не считались калмыками тяжкими, например: угон скота, захват имущества, воровство, мошенничество на сумму не свыше 400 руб. ассигнациями, произведенные не более трех раз» [Историческое 1888: 158–159]. Состав суда зарго был представлен двумя лицами от духовенства и шестью — от владельцев и зайсангов, избираемых на три года [Историческое 1888: 158–159].

Улусное управление в каждом улусе составляли: а) частный пристав — «для дел полицейских, следственных и распорядительных»; б) улусный судья (зайсанг или почетное лицо), который представлял собою посредника на правах «словесного судьи», с компетенцией по гражданским искам, по угонам скота и по кражам до 200 руб. ассигнациями; и в) в казенных улусах — правитель (из зайсангов), а во владельческих — нойон, который «по исконным обычаям заведовал вместе с тем и сбором албана, т. е. денежной повинности» [Историческое 1888: 159].

По правилам 1825 г., статус нойонов как владельцев не был определен относительно общих государственных сословий и относительно простолюдинов, которые были названы «аймачными собственными людьми» [Историческое 1888: 159]. Другой особенностью было то, что гражданские, а также дела религиозной направленности рассматривались «по древним калмыцким законам, обычаям и обрядам», но уголовные дела уже входили в компетенцию российских судов [Историческое 1888: 159].

Как отмечается, правила 1825 г. не достигли цели: народ постоянно беднел, все чаще появлялись жалобы на произвол нойонов, «а незнакомство калмыков с обрядами и формами русских судов подавало им повод видеть в распоряжениях местной администрации только притеснения и вымогательства» [Историческое 1888: 159]. Все это вызвало в 1827 г. назначение императором сенаторской ревизии, которая была возложена на сенатора Ф. И. Энгеля. Ревизия сенатора Ф. И. Энгеля показала, что главная причина неурядиц и обеднения народа состояла в том, что эти правила не соответствовали укоренившимся привычкам народа, а иногда шли вразрез с его обычаями, «так как они, между прочим, дали нойонам неограниченную власть над простолюдинами и делали их владельцами улусов без всякого бытового основания» [Историческое 1888: 159–160].

Следствием ревизии сенатора Ф. И. Энгеля, а также работы Комиссии калмыцких дел, явилось новое положение, 24 ноября 1834 г., которое утверждало над калмыками такую форму управления как попечительство. В положении 1834 г.

впервые были определены права нойонов и зайсангов. Нойонам, являвшимся владельцами улусов, и членам их семей было предоставлено право поступать на службу наравне с дворянами, а зайсангам предоставлялись права: аймачным — потомственного почетного гражданства, а безаймачным — личного. Вместе с тем права нойонов и зайсангов над простолюдинами были ограничены: «улусы и аймаки не могли уже подлежать разделу между наследниками, но должны были переходить без раздробления к старшему в роде, и нойоны не имели уже права продавать, закладывать и дарить подвластных им калмыков» [Историческое 1888: 160].

Как и прежде, министерство внутренних дел являлось главным в отношении управления калмыцким народом. На уровне Астраханской губернии управление было сосредоточено в руках губернатора и главного попечителя калмыцкого народа, «под председательством которого был учрежден совет калмыцкого управления, состоявший из двух его товарищей, одного ассессора из нойонов и депутатов из зайсангов» [Историческое 1888: 161].

Суд зарго в Астрахани по-прежнему являлся второй инстанцией по отношению к улусным судам. Состав зарго включал председателя, двух советников от правительства и двух ассессоров из нойонов. Было также учреждено Ламайское духовное управление, под председательством ламы и четырех лиц от буддийского духовенства.

На уровне владельческих улусов власть возглавлялась нойонами, в казенных улусах — зайсангами. Нойоны и зайсанги также возглавляли улусные суды. В состав улусного управления и улусных судов входили российские чиновники: попечители и их помощники, на них в том числе возлагались полицейские и следственные функции.

Суд зарго, как отмечается, «общий для степи», ведал всеми делами калмыков, уголовными и гражданскими, калмыков с некалмыками, родителей с детьми. При рассмотрении дел как суд зарго, так и улусные суды руководствовались по уголовным делам общими законами Российской империи, а в делах гражданских могли применять правила «древняго калмыцкого уложения», и только в случае недостатка таковых руководствоваться законами Империи [Историческое 1888: 161].

Главным положительным аспектом правил 1825 г. являлось определение размера сбора, который должны были уплачивать калмыки как в казенных, так и во владельческих улусах, «чем навсегда был ограничен тот произвол, которым в этом отношении всегда отличались нойоны» [Историческое 1888: 161]. Большая часть сбора поступала владельцу улуса, незначительные части шли в пользу зайсанга и на содержание калмыцкого управления [Историческое 1888: 161].

С учреждением в 1838 г. министерства государственных имуществ в его ведение, наравне с сельскими обывателями, были переданы и калмыки. Граф П. Д. Киселев исходил из той точки зрения, что калмыцкий народ в силу естественного порядка вещей не может оставаться постоянно в кочевом состоянии, и что рано или поздно, подобно другим кочевникам, должен перейти к оседлой жизни. Он приходил к выводу, что «чем скорее этот переход совершится, тем лучше будет как для самого народа, вследствие устранения всяких неудобств кочевой жизни, так и для государства, вследствие замены скотоводческого хозяйства земледельческим и поступления кочевников в состав государственных крестьян» [Историческое 1888: 162].

Такой взгляд был положен в основание работ, которые по распоряжению графа П. Д. Киселева были предприняты по первому департаменту министерства государственных имуществ, при участии астраханского губернатора, для составления нового положения об управлении калмыцким народом. Работы были окончены в первой половине 1846 г., и в ноябре того же года новое положение было внесено в Государственный совет, а затем 23 апреля 1847 г. утверждены императором.

Согласно Положению 1847 г. управляющий Астраханской палатой государственных имуществ являлся одновременно главным попечителем калмыцкого народа. Власть астраханского губернатора в отношении калмыков ограничивалась пределами, «которые были определены для всех начальников губерний по делам управления государственными имуществами» [Историческое 1888: 162]. Совет калмыцкого управления и Ламайское духовное управление были упразднены: первый был заменен учрежденным при Палате государственных имуществ Ордынским отделением, состоявшим из советника, делопроизводителя, депутата от калмыцкого народа и других чинов по штату; а второе было заменено одним Ламой, которому в помощь для делопроизводства был назначен письмоводитель.

Учрежденный по положению 1834 г. центральный суд зарго, состоявший под председательством чиновника, с одной стороны, был признан не соответствующим жалованной калмыкам грамоте (видимо, имелась в виду грамота Павла I 1800 г. — Е. Г.), в силу которой они должны были иметь свой суд зарго под председательством владельца, а с другой — излишним, так как порядок разбора в нем дел был таким же, как и в общих судебных местах, поэтому, отмечается, он был упразднен и в каждом улусе был открыт свой суд зарго, заменивший учрежденный там положением 1834 г. улусный суд. По возможности порядок производства дел в улусных зарго был упрощен. Они должны были стараться прекращать дела «миролюбивым образом» и в «делах тяжбных» имели право окончательного решения до той же суммы, как судебные учреждения первой инстанции. По делам же на большую сумму и недовольным решением суда зарго предоставлено было право приносить апелляцию в Астраханскую судебную палату и обращаться к главному попечителю калмыцкого народа с просьбой об оказании содействия в защите их прав на том же основании, какое было предоставлено государственным крестьянам. Таким образом, порядок производства гражданских дел был сходство с общим существовавшим тогда порядком [Историческое 1888: 163].

Для единообразия и лучшего порядка управления были учреждены на правах окружных управлений государственных имуществ улусные управления, в состав которых входили попечитель с помощником, владелец улуса и правитель или опекун. Общественное управление у калмыков осталось прежним: с делением на улусы, затем на рода или аймаки, а последних — на хотоны.

Самоуправление на выборных началах у калмыков действовало через улусные и аймачные сходы по образцу, устроенному тогда у государственных крестьян. На уровне улусов сходы собирались каждые три года, а по назначению главного попечителя и внеочередно. На уровне аймака сходы проходили в сроки, назначаемые Палатой государственных имуществ. Аймачные сходы имели право

исключать калмыков из общества за проступки и передавать их в распоряжение правительства для отсылки в Сибирь [Историческое 1888: 163–164].

Способ взимания и количество сборов остались у калмыков неизменными, вместе с тем наблюдалась следующая разница: незначительная часть как в казенных, так и во владельческих улусах поступала в пользу родового аймачного зайсанга, большая часть в казенных улусах отводилась на содержание управления с отчислением остатков для общественного калмыцкого капитала, во владельческих же улусах на содержание управления шла мизерная часть, а большая поступала в доход владельца под названием албана [Историческое 1888: 164].

4. Обсуждение

Согласно приведенным в «Историческом обозрении...» сведениям, политика Российского государства в Калмыцкой степи в первой половине XIX в. осуществлялась по трем направлениям: 1) взаимодействие с национальной элитой, предоставление ей определенных прав и привилегий, вовлечение ее в систему имперской региональной и местной власти; 2) постепенное внедрение имперского законодательства и суда с сохранением действия норм обычного права на низовом уровне, как правило, в сфере гражданского оборота; 3) установление основ имперской финансово-налоговой политики с сохранением привилегий местной знати.

Данные аспекты имперской политики уже отмечались исследователями. Вместе с тем, есть отдельные аспекты, на которых акцентируется внимание. Например, М. С. Горяев подчеркивает, что учреждаемые новые системы управления калмыками не изменяли в корне действующий порядок, а являлись продолжением и развитием государственных традиций в управлении «инородцами», уточнением и дополнением основных принципов административного управления калмыками [Горяев 2013: 220]. Он также отмечает, что принятие правил и положений об управлении калмыцким народом закрепило тенденцию «по ограничению власти калмыцкой знати с целью распространения на калмыцкие улусы общеимперских порядков» [Горяев 2013: 220].

М. С. Горяев рассматривает следующие изменения административно-политической системы Калмыцкой степи в последней трети XVIII – конце XIX в.:

- 1) ликвидация Калмыцкого ханства и введение Калмыцкой степи в общероссийскую систему управления;
- 2) административные реформы в Калмыцкой степи первой половины XIX в.;
- 3) унификация административно-судебной системы в Калмыцкой степи;
- 4) реорганизация и изменения в системе управления Калмыцкой степью в конце XIX в. [Горяев 2013: 3].

И. В. Лиджиева, исследуя этнический принцип, положенный в основу административно-территориального моделирования XIX в. кочевых инородцев степного Предкавказья, отмечает, что «приставство и улус обладали всеми признаками национально-территориальной модели государственного устройства» [Лиджиева 2016: 1269]. Вместе с тем «инкорпорированные в управленческую структуру традиционные институты самоуправления фактически сохраняли лишь внешнюю форму, при этом менялось его внутреннее содержание» [Лиджиева 2018: 80].

В. В. Трепавлов полагает, что в развитии российских окраин можно выделить несколько этапов: «присоединение, т. е. установление российского подданства; постепенная инкорпорация в структуру государства; наконец, ассимиляция, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации» [Трепавлов 2009: 60].

И. К. Очир-Гаряева применительно к XIX в. исследует следующие проблемы: 1) правовое оформление наместничества и приставства в Калмыкии (1801–1834 гг.); 2) установление попечительской системы управления Калмыкией (1834–1847 гг.) [Очир-Гаряева 2014: 50–109].

В. В. Батыров, М. С. Горяев, А. Н. Команджаев и Е. А. Команджаев уделяют внимание следующим проблемам при исследовании системы управления в Калмыцкой степи:

- изменение системы управления Калмыцкой степью в последней трети XVIII в.;
- формирование новой улусной системы в Калмыцкой степи в последней трети XVIII в.;
- Калмыцкая степь и политика императора Павла I: восстановление государственности (1800–1803 гг.), Зинзилинское совещание;
- введение Калмыцкой степи в административно-территориальное управление Российской империи;
- завершение введения Калмыцкой степи в единую административно-политическую систему Российской империи в конце XIX – начале XX в. [Батыров и др. 2014: 158–159].

Согласно Д. В. Васильеву, «в середине XIX столетия остатки калмыцкой автономии были окончательно ликвидированы. Органом центрального управления стало Министерство государственных имуществ, калмыцкая администрация была интегрирована в систему управления Астраханской губернии, был ликвидирован Зарго и учреждены улусные и аймачные сходы. Сохранившееся своеобразие местного управления носило остаточный характер» [Васильев 2020: 433].

Н. Н. Пальмов, характеризуя наместничество Чучея Тундутова, ссылаясь на высказывание М. Н. Новолетова о том, что оно «явилось только как тень старины и оказалось лишь слабым напоминанием о былом ханской величии» [Пальмов 1922: 100].

С. С. Белоусов считает, что «„Положение“ 1834 г. завершило (выделено мной. — Е. Г.) формирование попечительской системы управления калмыцким народом» [Белоусов 2009б: 495]. Отличие попечительства от приставства заключалось в том, что «это уже не только надзор, но и управление, основанное на принципе патримональной опеки государства» [Белоусов 2009б: 495]. И далее он отмечает, что сформировавшаяся к середине XIX в. попечительская система управления калмыцким народом сочетала в себе «элементы сильной государственно-бюрократической опеки и в определенной степени национальные традиции» [Белоусов 2009б: 503].

5. Выводы

Проведя обзор вышеуказанных мнений исследователей, приходим к следующим выводам:

1) полагаем, что заслуживает внимания точка зрения И. К. Очир-Гаряевой о двухэтапном формировании системы управления в Калмыцкой степи применительно к первой половине XIX столетия (наместничество, приставство и отдельно попечительство с 1834 г.). Наместничество не может быть выделено отдельно в качестве этапа в силу краткого срока наместничества Чучея Тундута. Скорее оно является завершающей стадией в целом такого этапа в управлении как наместничество, но с отсылкой к XVIII в.;

2) наместничество, приставство и попечительство в принципе можно рассматривать как отдельные модели управления, но с учетом разного объекта управления: наместничество — институт главы народа; приставство — поначалу больше надзор за знатью, но в последствии и за населением Калмыцкой степи; попечительство — полноценная опека со стороны государства, выстроенная в определенную систему. Однако следует учитывать, что по сути приставство — это то же попечительство. Соответственно модель была одна, но она подвергалась эволюционной трансформации с учетом обстановки на местах, внутренних и внешних условий.

Литература

- Абева 2012 — *Абева О. Н.* Система управления кочевниками Прикаспия в XIX в. (на материалах Калмыкии) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 77–86.
- Алексушин 2020 — *Алексушин Г. В.* Периодизация, стадиялизация или этапизация? // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1-1. С. 198–201.
- Батыров и др. 2014 — *Батыров В. В., Горяев М. С., Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.* Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII – начале XX века. Элиста: Джангар, 2014. 159 с.
- Белоусов 2009а — *Белоусов С. С.* Калмыцкие улусы в последней трети XVIII в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 432–464.
- Белоусов 2009б — *Белоусов С. С.* Калмыкия в период преобразований (первая половина XIX в.). // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 464–514.
- Белоусов 2009в — *Белоусов С. С.* Калмыкия во второй половине XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 514–559.
- Белоусов 2016 — *Белоусов С. С.* Изучение имперской системы управления калмыцким народом в отечественной историографии // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: Мат-лы Росс. науч. конф. с междунар. участием (16–19 марта 2016 г., г. Элиста). Элиста: Джангар, 2016. С. 76–84.
- Борисенко 1991 — *Борисенко И. В.* Очерки исторической географии Калмыкии. Дооктябрьский период. Элиста: КИОН, 1991. 229 с.
- Бурчинова 1985 — *Бурчинова Л. С.* Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 48–56.
- Бурчинова, Гиляшаева 2005 — *Бурчинова Л. С., Гиляшаева М. Н.* К вопросу о калмыцкой государственности после откочевки Убаши // Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность: Мат-лы Росс. науч. конф. (6–7 октября 2005 г., г. Элиста). Элиста: Калм. гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова, 2005. С. 169–183.
- Васильев 2015а — *Васильев Д. В.* Калмыцкое ханство в административно-политической системе Российской империи (середина XVIII – середина XIX в.) // Исторические,

- философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3(60). С. 38–42.
- Васильев 2015б — *Васильев Д. В.* Становление Калмыцкого ханства как субъекта Российской империи. XVII – первая половина XVIII в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3-2. С. 351–357.
- Васильев 2020 — *Васильев Д. В.* Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Горяев 2013 — *Горяев М. С.* Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: Джангар, 2013. 224 с.
- Деев 2005 — *Деев С. Ю.* Развитие правительственной программы унификации управления калмыцким народом в конце XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 19. Элиста: Джангар, 2005. С. 143–152.
- Деев 2006 — *Деев С. Ю.* К вопросу о проблемах системы управления калмыцким народом в XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 20. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 121–137.
- Избасарова 2017 — *Избасарова Г. Б.* Имперские механизмы управления окраинами: башкиры, калмыки, казахи в XVIII–XIX вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 2(54). С. 113–124.
- Избасарова, Любичанковский 2018 — *Избасарова Г. Б., Любичанковский С. В.* Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21.
- Историческое 1888 — Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. В 5 ч. Ч. 2. Попечительство; Поземельное устройство. СПб.: Тип. Я.И. Либермана, 1888, 559 с.
- Команджаев 2009а — *Команджаев А. Н.* Общественно-политическое развитие в начале XX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 106–150.
- Команджаев 2009б — *Команджаев Е. А.* Административная система Калмыкии в XVIII–XIX вв. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. 100 с.
- Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 219–243. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243
- Лиджиева 2016 — *Лиджиева И. В.* Кочевые инородцы Степного Предкавказья: административно-территориальные модели XIX в. // Политика и общество. 2016. № 9(141). С. 1265–1271. DOI 10.7256/1812-8696.2016.9.16018
- Лиджиева 2018 — *Лиджиева И. В.* Особенности системы управления инородцами в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Политика и общество. 2018. № 2. С. 74–82. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.2.25620.
- Лиджиева, Очиров 2019 — *Лиджиева И. В., Очиров У. Б.* Калмыки в составе Российского царства и империи [электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8(82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006047-0
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Наберухин 1983 — *Наберухин А. И.* Вопрос об областной автономии Калмыцкой степи в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (февраль–октябрь 1917 г.) // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1983. С. 143–164.
- Надбитов 2006 — *Надбитов Р. К.* Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Калмыкии в конце XIX – начале XX в. Элиста: Калм. ун-т, 2006. 119 с.

- Национальные 1998 — Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
- Орехов 1968 — *Орехов И. И.* Размежевание национально-демократического движения в калмыцком обществе в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Учёные записки КНИИЯЛИ. Вып. 6. Серия историческая. Советская эпоха. Элиста, 1968. С. 5–66.
- Очир-Гаряева 2014 — *Очир-Гаряева И. К.* Региональное управление в России: историко-правовой анализ. Элиста: Калм. ун-т, 2014. 126 с.
- Очир-Гаряева, Ятаева 2018 — *Очир-Гаряева И. К., Ятаева Н. В.* К вопросу о правовом оформлении приставства в Калмыкии (первая четверть XIX в.) // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12(168). С. 30–34.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калм. гос. изд-во, 1922. 137 с.
- Плюнов 2016 — *Плюнов Ф. И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.
- Скиба 2012 — *Скиба В. А.* Правовой статус Калмыкии после ликвидации Калмыцкого ханства (1771 г. – XIX в.) // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 2(31). С. 182–185.
- Трепавлов 2009 — *Трепавлов В. В.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 60–73.
- Черкасов 1860 — *Черкасов И. А.* Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков: (Извлеч. из рукопис. Истории Астрах. края). [Астрахань]: Губ. тип., [1860]. 21 с.
- Чужгинов 1977 — *Чужгинов А. А.* К вопросу о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию Российской империи (первая половина XIX в.) // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1977. С. 54–59.

References

- Abeeva O. N. The nineteenth-century system to govern Caspian nomads: Kalmyks and Kalmyk-inhabited lands. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2012. No. 3. Pp. 77–86. (In Russ.)
- Agadzhyanov S. G., Trepavlov V. V. (eds.) *Ethnic Peripheries of Imperial Russia: The Shaping and Development of Administrative Systems*. Moscow: Slavyanskiy Dialog, 1998. 416 p. (In Russ.)
- Aleksushin G. V. Periodization, stadialization, or segmentation? *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya*. 2020. No. 1-1. Pp. 198–201. (In Russ.)
- Batyrov V. V., Goryaev M. S., Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Kalmykia in the Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries: Changes in the Government System. Elista: Dzhangar, 2014. 159 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. Exploring the imperial system of administering Kalmyks: Russian historiography reviewed. In: Komandzhaev A. N. (ed.) *Nomadic Peoples of South Russia: Historical Experience and Contemporaneity*. Conference proceedings (Elista; 16–19 March, 2016). Elista: Dzhangar, 2016. Pp. 76–84. (In Russ.)
- Belousov S. S. Kalmyk uluses in the late eighteenth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 432–464. (In Russ.)
- Belousov S. S. Kalmykia in the mid-to-late nineteenth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 514–559. (In Russ.)

- Belousov S. S. Kalmykia in the turbulent early-to-mid nineteenth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 464–514. (In Russ.)
- Borisenko I. V. *Essays in the Historical Geography of Kalmykia: The Pre-October Era*. Elista: Kalmyk Institute of Social Science, 1991. 229 p. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Kalmykia in the government system of Russia. In: *Kalmyks and Their Voluntary Allegiance to the Russian State. Historical Backgrounds and Significance*. Elista: Kalmyk Institute of History, Philology and Economics, 1985. Pp. 48–56. (In Russ.)
- Burchinova L. S., Gilyashaeva M. N. Revisiting the issue of Kalmyk nationhood after the Exodus of 1771. In: *Kalmykia as a Federal Subject of Russia. Past and Present. Conference proceedings* (Elista, 6–7 October 2005). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2005. Pp. 169–183. (In Russ.)
- Cherkasov I. A. *A Brief Essay on the Administrative System of Astrakhan Kalmyks: An Excerpt from the Manuscript Titled ‘History of Astrakhan Region’*. Astrakhan: Astrakhan Governorate Press, 1860. 21 p. (In Russ.)
- Chuzhginov A. A. From periphery to internal province of Imperial Russia: Kalmykia in the early-to-mid nineteenth century. In: Burchinova L. S. et al. (eds.) *Precapitalistic and Capitalistic Relations in Kalmykia: Glimpses of History*. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 54–59. (In Russ.)
- Deev S. Yu. Governing Kalmyks: Problems faced by the administrative system in the nineteenth century. In: *Bulletin of Kalmyk Humanities Research Institute RAS. Collected scholarly papers*. Vol. 20. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 121–137. (In Russ.)
- Deev S. Yu. Unifying the system and procedures to govern Kalmyks: How the [Russian] Government’s program was developed. In: *Bulletin of Kalmyk Humanities Research Institute RAS. Collected scholarly papers*. Vol. 19. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 143–152. (In Russ.)
- Goryaev M. S. *Incorporating Kalmykia into the Socioeconomic System of Imperial Russia, 1770s–1890s*. Elista: Dzhangar, 2013. 224 p. (In Russ.)
- Izbasarova G. B. The imperial control mechanisms of peripheries: Bashkirs, Kalmyks, Kazakhs in the XVIII–XIX centuries. *Bulletin of Russian Nation*. 2017. No. 2(54). Pp. 113–124. (In Russ.)
- Izbasarova G. B., Lyubichankovskiy S. V. *Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th — first half of the 19th century: From a personal position to a management system*. *Russian History*. 2018. No. 2. Pp. 13–21. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Sociopolitical development in the early twentieth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 106–150. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. *Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach*. *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 219–243. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243
- Komandzhaev E. A. *The Administrative System of Kalmykia in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2009. 100 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. *Nomadic minorities of the steppe area of the North Caucasus. Politics and Society*. 2016. No. 9 (141). Pp. 1265–1271. (In Russ.) DOI 10.7256/1812-8696.2016.9.16018
- Lidzhieva I. V. *Peculiarities of the foreigner management system in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries. Politics and Society*. 2018. No. 2. Pp. 74–82. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0684.2018.2.25620.

- Lidzhieva I. V., Ochirov U. B. Kalmyks within the Tsardom of Russia and Russian Empire. *ISTORIYA* (online journal). 2019. Vol. 10. Is. 8 (82). DOI: 10.18254/S207987840006047-0. Available at: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1/> (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Ministry of State Property over the Fifty Years, 1837–1887: A Historical Review. In 5 vols. Vol. 2. St. Petersburg: J. Liebermann, 1888, 559 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I. Oblast-type autonomy within Kalmyk Steppe: How the issue was raised during the Russian Revolution (From February to October of 1917). In: *Social System and Sociopolitical Development of Pre-Revolutionary Kalmykia*. Elista: Kalmyk Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 143–164. (In Russ.)
- Nadbitov R. K. Kalmykia in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries: Socioeconomic and Sociopolitical Development. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2006. 119 p. (In Russ.)
- Ochir-Garyaeva I. K. Regional Governance in Russia: A Historical and Legal Analysis. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2014. 126 p. (In Russ.)
- Ochir-Garyaeva I. K., Yataeva N. V. To the question of the legal registration of pristavstva in Kalmykia (First quarter of the 19th century). *Law and State: The Theory and Practice*. 2018. No. 12 (168). Pp. 30–34. (In Russ.)
- Orekhov I. I. Preparing the Great October Socialist Revolution: A split in the ethno-democratic movement of Kalmyks. In: *Scholarly Notes [Kalmyk Institute of Language, Literature and History]*. Vol. 6. Series 'History' (Soviet Era). Elista, 1968. Pp. 5–66. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within Russian Borders: A Historical Essay. Astrakhan: Kalmyk [Oblast] Publ. House, 1922. 137 p. (In Russ.)
- Plyunov F. I. Kalmyk People and the October Revolution: 1919–1924. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 432 p. (In Russ.)
- Skiba V. A. Legal status of Kalmykia after Kalmyk Khanate was abolished: From 1771 and throughout the nineteenth century. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2012. No. 2 (31). Pp. 182–185. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. 'Ethnic policies' in polyethnic Russia, sixteenth to nineteenth centuries. *Historical Psychology & Sociology*. 2009. Vol. 2. No. 1. Pp. 60–73. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. Formation of the Kalmyk Khanate as a subject of the Russian Empire since the 17th century to the middle of the 18th century. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 17. No. 3 (2). Pp. 351–357. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. Kalmyk Khanate in administrative and political system of the Russian Empire (The middle of the XVIII – the middle of the XIX century). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice (Manuscript)*. 2015. No. 1 (60). Pt. 3. Pp. 38–42. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. The Birth of the Empire: Southeast Russia, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. St. Petersburg: D. Bulanin, 2020. 608 p. (In Russ.)